

ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И РЫНКА В РОССИИ. ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2016.1.17

Правильная ссылка на статью:

Докторов Б.З. Интервью с И.В. Задориным: «В отношении к работе моя профессиональная позиция всегда была сильнее гражданской...» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 363—380.

For citation:

Doktorov B. Z. I. V. Zadorin: «When it comes to work, my professional skills have always been stronger than my civil position...» // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2016. № 1. P. 363—380.

Б.З. Докторов ИНТЕРВЬЮ С И.В. ЗАДОРИНЫМ: «В ОТНОШЕНИИ К РАБОТЕ МОЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ВСЕГДА БЫЛА СИЛЬНЕЕ ГРАЖДАНСКОЙ...»

Игорь, мы начинаем наш разговор¹ в особый момент: сегодня — 16 мая — Международный день биографа. Поэтому прежде всего спрошу: а не знаете ли Вы историю своей фамилии. Кто у Вас в роду был «задорой»? И, пожалуйста, расскажите о родителях, а если знаете, о более давнем прошлом Вашей семьи.

Конечно, я интересовался своим происхождением и историей своей семьи — это очень естественно для любого человека, в котором есть хоть немного любопытства, тем более для человека, который сделал своей профессией исследования. Судя по тому, что пишут в разных ономастических книжках, «фамилия Задорин образована от прозвища Задора, которое восходит к нарицательному «задор» со значением «горячность, пыл, страстность, пафос, иногда с оттенком запальчивости, вызывающего тона или поведения вообще». Раньше это на меня было весьма похоже.

Фамилия на самом деле довольно распространенная на Урале; мои предки по отцу — уральские казаки. Прапрадеды — типичные «пахари», зажиточные крестьяне, по советской классификации — кулаки, по семейным преданиям, даже поставившие до революции хлеб за границу. Помню еще рассказы своего прадеда Луки Прокопича [Игнатов], как он молодым парнем призывался на Германскую и должен был явиться на призывной пункт со своим конем и шашкой. Судьба такой семьи очевидна: в 1929-м раскулачивание, часть родни переехала «с земли» в Челябинск (где родился отец), часть сгинула в ссылке в Тобольске, часть успела



¹ Интервью началось 16.05.2014 г., а закончилось 6.12.15, то есть длилось более полутора лет.

бежать сначала на Алтай, потом в Новосибирск, где остановился в конце концов прадед и куда перебралась из Челябинска семья отца.

Жизнь отца тоже типична для того времени: безотцовщина (дед погиб в 1941-м на фронте, бабушка воспитывала троих детей одна), поступление в летное училище, потом окончательное профессиональное распределение — офицер войск ПВО.

По маминной линии я знаю родословную с прапрапрадеда Андрея, «сосланного барином на поселение» (цитирую бабушку) в село Васильево Тамбовской губернии. По этой линии все предки — свободные ремесленники: скорняки, сапожники... Все из деревни или уездных городков (Моршанск, Шацк, Сасово). И все старообрядцы. Как полагалось для маминной родни, я был крещен в младенчестве в Древлеправославной поморской церкви, и детские воспоминания от дома бабушки и дедушки во многом связаны с его религиозным духом. Семья мамы, естественно, тоже испытала все, что полагалось испытать единоличникам, да еще и верующим. И забирали, и наказывали за сбор колосков, двое старших маминных братьев погибли на фронте, один умер от малярии, дед закончил войну в Германии (когда его призвали в 1942-м, ему было уже 45 лет), вместе с бабушкой они вырастили шестерых детей. Мама окончила фельдшерско-акушерский техникум в Моршанске и большую часть жизни проработала в различных здравпунктах и поликлиниках.

Так что формально происхождение у меня, как писалось ранее в анкетах, «из семьи служащих», но корни, конечно, скорее крестьянские и ремесленнические. Кстати, хотя сам я в деревне никогда не жил (если не считать детских приездов на лето к бабушке в сельский райцентр Рязанской области), но почему-то очень люблю лошадей и просто млею от вида зрелых пшеничных полей. Наверное, это генетическая память...

Просто дух захватывает, как это все сохранилось в памяти Вашей семьи... Удивительно... Вы москвич по рождению? Где окончили школу?

Да что Вы, какой москвич... Я же говорю — из семьи военнослужащего, значит, в раннем детстве поехал по городкам и весям. Родился в Ельце Липецкой области 6 ноября 1958 г., потом в самом начале 1960-х семья 3,5 года жила в Афганистане (в Баграме), куда отца направили работать военным советником, потом переехали в Ярославль, где и прошли мои уже осознанные детство и юность — с 7 до 17 лет. В 1976 году окончил математическую школу и поступил в МФТИ. До 8-го класса включительно я однозначно видел себя где-то в области естественных наук: то география увлекала, то биология, то совершенно точно собирался стать астрономом (даже в специальном кружке занимался, на звезды в телескоп смотрел). И только в старших классах что-то изменилось... Решил поступать на экономический факультет в ЯГУ, но товарищи уговорили попробовать в июле съездить на физтех (нам пришли оттуда приглашения после математической олимпиады). Поехал, попробовал, получилось... И это, наверное, самый звездный билет, который я вытянул за свою жизнь. Моей альма-матер стал факультет управления и прикладной математики МФТИ. И, пожалуй, ничто так не сказалось на моей личности и судьбе, как учеба в физтехе. Это во мне навсегда. Конечно, ни на какую экономику я тогда не попал, а управление оказалось системами автоматического управления (САУ) вполне определенных

изделий (моей базовой кафедрой стало ЦКБ «Алмаз», а это всем известные сейчас С-300), но я ни в коем случае об этом не жалею.

...А чем Вас интересовала экономика?

Если честно, я уже не помню, как произошел поворот от звезд к терниям — от астрономии к обществоведению, как это тогда называлось (и, кстати, от круглого отличника к шалопаю-хорошисту). Но поворот был устойчивым.

У меня были знакомые, окончившие МФТИ, да и я сам закончил матмех ЛГУ, так что могу представить вольный дух обучения, прямые контакты с профессорами, посещение семинаров, которые вели светила физики. Чем Вам запомнились студенческие годы?

О, это в двух словах не расскажешь! Если совсем кратко — это удивительная атмосфера, в которой царил дух открытий и творчества, причем не только в физике и математике, но и в мире социальном. Школа жизни в общежитии, стройотряды на Дальнем Востоке и в Казахстане, московские театры, дворничьи квартиры (на 3-м курсе частично, а на 6-м курсе полностью я подрабатывал дворником и жил не в Долгопрудном, а в Москве в служебных коммуналках), собственный дискотека (лучшая дискотека в институте!), вечера КСП, встречи с В. Высоцким и А. Тарковским. Наконец, это битвы с факультетским партбюро за свободу комсомольского самоуправления (это все в основном 1979—1981 гг., финал — апофеоз застоя), закончившиеся совсем уж революционным общефакультетским собранием со знаменитым письмом к съезду. Это вообще отдельная история, достойная занять свое место в общей истории советского диссидентства — ее помнят все участники событий с обеих сторон. В общем, по основным физмат предметам учился я неважно — меня все равно тянуло куда-то в сторону, благо возможностей отклониться от курса на физтехе было предостаточно. Все очень много читали разного рода прорывные книги: Булгаков, Гессе, Кортасар, Борхес, Р. Бах, восточных мистиков типа Кришнамурти, повально увлекались дзэн-буддизмом — Уотс, Судзуки... Ходили на лекции Никиты Николаевича Моисеева и Юрия Павловича Иванилова (это наши деканы, которые преподавали системный анализ) и факультативы Г. П. Щедровицкого и Г. С. Батищева (последние просто переворачивали головы). В общем, вот это социальное и философское и осталось в памяти прежде всего, а из физмат дисциплин более или менее нравилось только то, что было связано с вычислительной математикой и программированием. И диплом по автоматизированному проектированию (САУ) у меня был написан настоящий, стыдно не было, «отлично» было заслуженным — так все говорили. В общем, физическое образование я на физтехе пропустил. А вот в целом мозги там ставили хорошо, спасибо большое всем учителям и товарищам.

Допускаю, что Г. С. Батищев мог. Не думали заняться какими-либо аспектами философии физики? Скорее всего, после МФТИ, да еще имея специализацию по САУ, Вас направили работать в «ящик». Не так ли?

Так, так... Про философию физики Вы точно подметили. Сразу после института мои основные авторы — это П. Фейерабенд, Т. Кун, Д. Белл и еще разный народ из философии техники (Дж. Мартин, Т. Стоуньер, О. Тоффлер...). И, конечно, работал я в «ящике»... В общем, как и положено нормальному физтеху, 6 лет оборонке я отдал честно...

Вместе с тем, несмотря на довольно интенсивную загрузку на работе (одно время у нас был т. н. «аккордный» проект, пахали днями и ночами), начиная с 1983 г. профессиональная жизнь у меня разделилась на две части. И причиной тому стало одно случайное событие в конце физтеховской жизни.

Получилось так, что после защиты дипломной работы и до официального выпуска у меня оказался месяц свободного времени. Май и половину июня 1982 г. я таскался по всяким интересным для меня мероприятиям. И как-то увидел объявление в лектории Политехнического музея об открытой встрече с ведущими социологами СССР. Естественно, записался. Как сейчас помню, перед общественностью с популярными рассказами о том, что такое социология и чем она может быть полезна советскому народному хозяйству, выступали А. Харчев, Х. Момджян, Ф. Бурлацкий, И. Бестужев-Лада и другие ведущие обществоведы СССР (всего человек десять, по-моему, были еще Ф. Филиппов и Г. Осипов, но не уверен). Почти никого я не знал до этого (кроме И. В. Бестужева-Лады, публикации которого в «Литгазете» мне очень нравились). Каждый рассказывал про свою область социологии, было довольно интересно, и, конечно, больше всего публику очаровал Игорь Васильевич Бестужев-Лада с рассказом про футурологию и социальное прогнозирование (а рассказчик он знатный). И вот, отвечая на многочисленные записочки с вопросами из зала, он зачитывает: «А есть ли у Вас, И.В., ученики?» — и отвечает: «Мол, есть ученики-сыновья, но нет учеников-дочерей». То есть много тех, кто выучился, защитился и дальше ушел уже свое дело развивать («сыновья»), а вот тех, кто продолжил бы род, т. е. остался бы развивать науку прогностику («дочери»), таких нет. Ну, я, естественно, написал ему записку, что готов обсудить вопрос про «дочерей», договорился о встрече и уже через неделю приехал к нему домой разговаривать про футурологию и исследования будущего.

Я ему сразу же предложил организовать постоянный семинар по социальному прогнозированию в МФТИ, сказав, что более подходящих слушателей и продолжателей дела ему не найти нигде. Игорь Васильевич, считавший в то время элитой лишь таких же, как он, выпускников МГИМО, поначалу со скепсисом отнесся к этой затее, но уже с сентября начал ездить в Долгопрудный и проводить факультативы. А потом с рядом наиболее заинтересованных участников этот неформальный (общественный) семинар перебрался в Институт социологических исследований АН СССР, где уже в сборном коллективе гуманитариев и технарей (через несколько лет еще ряд выпускников МИФИ и МГУ подтянулись) работал регулярно (раз в две недели народ собирался) более 4-х лет. А я был при этом как бы старостой кружка. И чего мы там только в 1983—1986 гг. не обсуждали! Это действительно был очень свободный полет идей, концепций, проектов и даже небольших любительских исследований. Игорь Васильевич позволял дилетантам в социологии вдохновенно фантазировать и пробовать свои силы во future studies под его внимательным и доброжелательным руководством. И до сих пор некоторые идеи того времени вполне актуальны.

В общем, до 1987 года включительно я в рабочем плане жил на два дома: профессиональное техническое творчество в «ящике» и любительская социология в ИСИ АН СССР. А когда в разгар перестройки оборонка стала рушиться, и нашу последнюю разработку (2-е место в конкурсе молодых специалистов) положили на полку, я решил для себя, что дальше сидеть на двух стульях нельзя — надо

в конце концов определяться в профессии, и подался в аспирантуру Института социологии. Тем более что социальное к тому времени стало настолько интересным и горячим, что вряд ли какая другая наука могла составить конкуренцию социологии в притягательности для любознательных и ищущих голов.

...Философские аспекты физики меня тоже интересовали — и в юношеские годы, и позже. И мне кажется, когда мы обращаемся к методологии социологических исследований, мы — осознанно или спонтанно — учитываем постигнутое тогда в наших сегодняшних теоретико-методологических построениях. Что Вы думаете по этому поводу?

Естественнонаучное образование, связанные с ним картина мира и способы его познания, безусловно, до сих пор определяют мои методологические пристрастия и исследовательскую позицию. Я — недобитый позитивист, махровый эмпирик, всегда пытаюсь держать дистанцию с объектом исследования и не допускать субъект-объектных мезальянсов. Наконец я последовательный прикладник, стремящийся к практической полезности полученных в результате исследования знания и информации. Это если кратко. К тому же я большой сторонник количественных методов и максимального применения математики в социологии (помните: «наука только тогда достигает совершенства...»). Конечно, во всей моей социологии по-прежнему сидит выпускник физтеха, с увлечением решающий интересные задачи из сборника задач по «социальной физике».

Ваша аспирантская тема была связана с прогностическими моделями?

Да, конечно, я же у И. В. Бестужева-Лады был аспирантом. Тема диссертации была выбрана задолго до поступления в аспирантуру: «Возможные и вероятные социальные последствия компьютерной революции», — т. е. на пересечении моего прежнего технарского профессионального генезиса и нового социологического. Но аспирантская жизнь началась, когда на дворе стоял уже 1988-й год, вокруг и внутри меня происходили тектонические изменения, открывались фантастические перспективы, сопровождающиеся не менее потрясающими рисками, каждый день надо было принимать судьбоносные решения, а на следующий их отменять или заменять другими — в общем, революционное время, когда один день стоил года в застойный период. Короче, диссертационную компоненту своей жизни я тогда вполне сознательно похерил. И хотя аспирантура была честно закончена с прилично сданными кандидатскими экзаменами, моей фактической диссертацией стал ЦИРКОН.

ЦИРКОН давно и заслуженно стал одним из лидеров среди российских независимых организаций по изучению общественного мнения и рынка, так что — мое мнение — Ваша диссертация успешно защищена. А когда и как все начиналось? Что стало базовым импульсом для создания ЦИРКОНа?

Тут надо разделять базовую идею-концепцию и импульс к созданию. Идея (и название!) ЦИРКОН родилась несколько раньше создания самой группы, на волне начавшейся в середине 1980-х гг. моды на советские Rand Corporation и прочие «мозговые тресты» и «думающие танки». С друзьями из «методологического сообщества» («щедровитяне») я сочинил концепцию Центра интеллектуальных ресурсов и кооперации в общественных науках (ЦИРКОНа) как сложного организационного комплекса по производству интеллектуальной продукции, состоящего

из 4-х секторов. Прежде всего сектор производства некоего знания («институт»), далее — сектор тиражирования и распространения этого знания («издательство») и сектор, воспроизводящий полученное знание уже в людях — в навыках работы, традициях, нормах («университет»), и наконец сектор материально-технического обеспечения производства («фонд»). Такая структура в логотипе ЦИРКОН и выведена: четыре стрелочки — это поддерживающие и дополняющие друг друга сектора. Реализовать эту концепцию полностью не удалось, хотя отдельные элементы в той или иной степени присутствовали в деятельности группы всегда.

А вот импульс для реального появления ЦИРКОНа был типичным для поколения молодых ученых того времени: стремление к самостоятельности и капитализации своего профессионального и творческого потенциала, а проще говоря, переводу академических исследований в прикладной коммерческий формат, выводу их на рынок (слово «рынок» звучало магически!). Вокруг, как грибы после дождя, появлялись научные кооперативы, центры НТТМ, внедренческие предприятия и т. п. И дружеский коллектив молодых сотрудников и аспирантов Института социологии АН СССР решил, что вполне может выйти за пределы института на свободный рынок и там реализоваться с тремя принципами: 1) мы будем делать то, что нам интересно профессионально (творческий интерес), 2) мы будем делать то, что стоит дорого и хорошо обеспечивается материально, 3) мы будем делать то, что будет полезно и обществу и что внесет вклад в развитие не только нас как социологов, но и кого-нибудь еще (даст социальный эффект). Такой вот добрый молодой наив, полагающий, что можно легко совместить все указанные интересы. Это только потом мы поняли, что они порой противоречат друг другу.

Сейчас Вы несколько раз произнесли «мы». А кто это — «мы»?

Конечно, я был не один. При поступлении в аспирантуру я претерпел серьезную метаморфозу. Предыдущий период любительского занятия социологией в основном сводил меня с такими сотрудниками ИСАН, с которыми я не чувствовал себя слабым неопитом, и, придя в институт, я даже ощущал себя в чем-то более опытным, умелым и креативным (например, в организации исследовательского процесса). И тут я столкнулся с гигантами (сначала с одним, а потом еще с одним). Ощущение было, как будто уверенно бежишь и вдруг бац (!) лбом об стену. Таким гигантом мысли я искренне до сих пор считаю Юрия Качанова, энциклопедически образованного и очень творческого человека. Он, судя по всему, — мой второй учитель в социологии, хотя по возрасту мы ровесники. Короче, во многом благодаря Юре (Юрию Львовичу) появился хороший квалифицированный коллектив из 6—7 человек (Юрий Качанов, Наталья Шматко, Ольга Трущенко, Владимир Коробов, Марина Пугачева, Дмитрий Захаров... и Задорин), к нему я присоединил еще 4-х человек из моей внеинститутской исследовательской жизни (впоследствии они довольно быстро отошли от группы). **Исторический протокол** о создании ЦИРКОНа 23 июня 1989 г. подписали 8 человек. Сначала обсуждался вариант сделать полностью самостоятельное предприятие типа кооператива, но я считал, что мы не вытянем. Поэтому для начала было решено пожить в «теле» Молодежного компьютерного центра «Вариант», который я с коллегами по оборонке и РК ВЛКСМ создал двумя годами ранее... Так, в МКЦ «Вариант» возник *отдел гуманитарных исследований* с внешним коммерческим названием — ЦИРКОН...

В 1992 г., когда уже появился организационный опыт, мы выкупили малое издательское предприятие «Фирму «Адапт»», которое с тех пор является «юридическим телом» Исследовательской группы ЦИРКОН. Фирма владеет двумя зарегистрированными товарными знаками: ЦИРКОН (ZIRCON) — для исследовательской деятельности и Socio-Logos — для информационно-издательской. Строго говоря, следует различать все три имени, но на практике, как правило, для обозначения всей компании используется название «ЦИРКОН». Сейчас под этим брендом выступают уже три организации (с 2003 г. работает еще АНО «Социологическая мастерская Задорина»), поэтому мы и говорим не просто о ЦИРКОНе, а о *Группе ЦИРКОН*.

Да, отвлекся... Так вот — про метаморфозу... После знакомства с Юрием Качановым и Александром Филипповым я года на два вновь стал «учеником», осваивавшим методологию социологических исследований и, вообще, понимание социологии, а мой функционал в ЦИРКОНе в основном был аналитический (статистический анализ данных), менеджерский и порой продюсерский. Только в 1991 г., когда Качанов уже ушел в «Индем» к Г. Сатарову, я стал проводить собственные исследования, но все равно еще несколько лет старался привлекать Ю.Л. в качестве консультанта.

А с каких исследований начал ЦИРКОН?

Первая заказная работа ЦИРКОН — это обследование московских центров НТТМ (включая интервью с их директорами) летом 1989 г. Эта работа потом несколько раз использовалась нашими исследователями российской элиты (Наталья Шматко, Ольга Крыштановская) как один из эмпирических материалов о генезисе российского бизнеса. А потом был мощный проект под весенние 1990-го года выборы Верховного Совета РСФСР и Моссовета, включавший четыре эмпирических исследования и консультационное сопровождение трех кандидатов в депутаты (все три, кстати, прошли). Этот проект был одним из первых в истории электоральных исследований в России, он был сочинен инициативно, а уже потом я нашел под них заказчиков. По итогам было написано несколько статей, все они помещены в сборнике «Демократические институты в СССР: проблемы и методы исследований» (весна 1991 г.)², первой книги, выпущенной ЦИРКОНом и, пожалуй, первом в России издании, почти целиком посвященном проблемам электоральной социологии.

Про историю ЦИРКОН и его исходные принципы я много раз рассказывал (у меня уже даже формулировки некоторые устойчивые появились, как в любой мифологии), многое опубликовано [см., например, интервью начала 1998 г. «ЦИРКОН: «Принципы и дела» («Кентавр», выпуск 19) или сравнительно недавние беседы с Ларисой Козловой для ее сборника³ и с Андреем Яковлевым для его исследования аналитических центров⁴]. Уже не очень хочется повторяться...

² Четыре статьи из сборника можно найти на <http://www.zircon.ru/publications/neizvestnyj-zircon>.

³ Интервью с И.В. Задорным в книге «Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации» [Электронный ресурс] / отв. ред. Л.А. Козлова; ред.-сост. Н.Я. Мазлумянова, И.А. Шмерлина. М.: ИС РАН, 2010. С. 210—233. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/c94/teorija_i_metodologija_v_praktikah_rossijskih_sociologov_postsovetskie_transformacii.pdf.

⁴ В профессиональном социологическом сообществе не хватает независимых экспертов — Беседа А.А. Яковлева с И.В. Задорным // Экономическая социология. 2013, сентябрь. Т. 14. № 4. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/1ed/V_professionalnom_sociologicheskom_sobshhestve_ne_hvataet_nezavisimyh_ekspertov.pdf.

Ну, как же, это очень интересно. Особенно про принципы. Ведь начало 1990-х было временем скорее беспринципным, когда старые социальные нормы, правила и кодексы революционно отменялись.

Ох, и не говорите. Но в то же время тогда-то и формировались новые подходы к исследовательской деятельности и складывались новые принципы отношений между ее участниками, новые принципы организации социальной науки и прикладных социологических исследований. История многих родившихся тогда исследовательских институтов — это во многом история становления новых норм, правил и новой этики. И у нас, конечно, тогда были не совсем принципы, скорее некоторые важные моменты фирменного позиционирования на формирующемся исследовательском рынке, своеобразные декларации о намерениях, сделанные самим себе. Но со временем они действительно превратились в принципы или, как говорят, стали философией фирмы.

Первый принцип связан с той самой наивной идеей о **возможности совмещения бизнеса и науки, творческого и материального интереса**. ЦИРКОН пытался и пытается до сих пор усидеть на двух стульях, причем поначалу смущаясь от этой своей позиции, а потом, напротив, гордо неся звание прикладных социологов. Идеология прикладности, т. е. ориентация на заказные работы, на потребности социальных управленцев (хоть в бизнесе, хоть в госуправлении, хоть в третьем секторе), на поиск решения конкретных социальных задач, всегда была важнейшей характеристикой нашей работы⁵. ...В ЦИРКОНе постоянно работали люди, совмещающие какие-то должности в ИС РАН, ВШЭ, других вузах (и сейчас так же). Это сопровождалось постоянными инициативными некоммерческими проектами, в которые мы скорее вкладывали, чем на них зарабатывали. И это было даже в самые трудные 1990-е гг. Что такое проект «Трансформация России: Экспертный сценарно-прогностический мониторинг (ЭСПМ)», который начинался совместно с сектором социального прогнозирования ИС РАН в 1991 г., а с 1993 г. стал собственным инициативным проектом ЦИРКОНа? Или что такое издание журнала-альманаха «Вопросы социологии» в 1992—1998 гг.? Это же планомерно убыточные проекты, если говорить с точки зрения экономики предприятия. Но в первом случае родилась оригинальная методика экспертного прогнозирования, а во втором был сделан существенный вклад в дело освоения российскими коллегами классических работ западных звезд социальной науки (тут прежде всего надо отметить тех же Ю. Качанова, Н. Шматко и А. Филиппова, выступавших редакторами отдельных выпусков журнала)...

Второй принцип по аналогии с первым можно назвать *принципом разделения*. **Мы принципиально разделяем два вида деятельности — исследования и консультирование**, долгие годы фактически табуируя для себя второе. К такому пониманию профессии я пришел не сразу. Поначалу, как настоящий физтех, я жаждал дополнить социологию социальной инженерией, считая, что если исследование не заканчивается воплощением полученных данных в социальных решениях, социальных изменениях, это пустое времяпрепровождение. И первые проекты

⁵ Задорин И. В. Апология прикладности, или еще раз о профессионализме, профессии и профессиональном сообществе // Социальная реальность. 2007. № 5.

по электоральной социологии мы сопровождали консультированием наших заказчиков — кандидатов в депутаты (напомню, все прошли). Но потом я начал серьезно сомневаться в правильности сочетания в одной организации (в одном субъекте) исследовательских и социально-инженерных работ... Доверие к исследованиям, сделанным социологом-консультантом (а такие есть), очевидно, ниже, потому что там всегда чувствуется второй план, заинтересованность в определенном видении социальной реальности. И это смешение, как я уже неоднократно говорил и писал, подрывает репутацию социолога-исследователя⁶.

Поэтому с какого-то момента (где-то с середины 1990-х гг.) в цирконовской корпоративной философии появилось табу на консалтинг. Мы принципиально отделили для себя процесс измерения социальной реальности от процесса ее изменения, сказав себе и всем, что изменениями не занимаемся. Или как мы иногда говорили: «Что народ думает, мы вам скажем, а как его обмануть, это уже без нас...». Хотя многие товарищи недоумевали: «Задорин от денег отказывается». Ведь именно в консалтинге концентрируется основная часть возможной прибыли прикладного интеллектуала, ибо никакая аналитика и исследования не могут конкурировать по своей ценности для управленца с конкретным вариантом решения проблемы, который приносит в качестве своего продукта консультант. Но мы были принципиальны.

Зная Вашу публичную биографию, трудно поверить, что Вам всегда удавалось соблюдать этот принцип. Например, как же Вы работали в Администрации Президента РФ (АП РФ) и не предлагали никаких решений? Неужели от Вас совсем не требовали предложений и рекомендаций?

О, это замечательный вопрос! Про этот период моей биографии (руководитель отдела изучения общественного мнения в АП РФ в 1996—1999 гг.) надо рассказать отдельно. Но прежде я хотел бы сказать, что сейчас я свою биографию вижу скорее не как историю событий, а как историю идей, которые воодушевляли в разные годы и определяли профессиональную линию.

Так вот, переходя к ответу на Ваш вопрос о работе с Администрацией Президента, скажу, что одной из самых дорогих для меня идей, буквально «идеей фикс», всегда была сугубо управленческая **идея об обратной связи**. (Далее про этот период профессиональной биографии И. В. Задорина см. в полной версии на сайте Центра социального прогнозирования и маркетинга⁷).

Похоже, мы хорошо рассмотрели события прошлого века... Но уже в этом столетии завершились первые полтора десятилетия... Наверное, все эти годы были разными? Какие особые точки Вы можете назвать?

Годы были разными, это точно. Продолжу историю идей и увлечений. С конца 1990-х и почти до последнего времени меня сильно занимали две методологические концепции — концепция **мониторинга** (слежение за изменениями)

⁶ См.: И. В. Задорин. Три профессиональных позиции социолога и репутация профессии. Выступление на Круглом столе Российского Форума 25 октября 2003 [Электронный ресурс] // Портал российской прикладной социологии Sociologos. URL: http://www.sociologos.ru/cennosti_i_standarty/tri_professionalnyh_pozicii и Беседа с И. В. Задориным «Смещение позиций подрывает репутацию социологии» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2004. № 2. С. 73—77.

⁷ http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207.

и концепция **сравнения** (компаративистика). Большинство оригинальных проектов ЦИРКОНа этого периода были построены на указанных концепциях, причем интерес к ним берет свое начало с работы в АП РФ.

К концу 1990-х гг. в российской социологии наконец-то появились массивы данных, которые представляли собой динамические ряды регулярных (мониторинговых) измерений. И это не только данные ежемесячных опросов ВЦИОМ и еженедельных опросов ФОМ, но и данные Госкомстата, Центризбиркома, медиарейтинги, некоторые оценки бизнес-конъюнктуры и т. п. Иными словами, стала появляться социологическая история страны. Методология мониторинга требовала специального подхода к фиксации объекта (в том числе постоянство схемы выборки и т. п.) и предмета исследования (набор измеряемых параметров, в том числе формулировки вопросов в поллах), к процедуре измерения (время, длительность и т. п.), к анализу данных (анализ временных рядов, учет сезонности, оценка значимых различий между точками измерений) и т. д. Почти все мониторинговые исследования рождались в лоне именно прикладной (индустриальной) социологии. А академические и вузовские социологи России в своем большинстве методологически вышли из *ad hoc* исследований. И, к сожалению, многое тогда в постановке мониторингов делалось по наитию, на коленке, что в дальнейшем и сказывалось.

ЦИРКОН, естественно, тоже немного поучаствовал в процессе, инициировав в 2000 г. *мониторинг финансовой активности населения* (МФАН⁸). За 15 лет ситуация сильно изменилась, многие мониторинги ведутся уже на совершенно новой технологической базе (например, медиаисследования), но и мы свой старый добрый МФАН не прекращаем, тем более что он представляет пример комплексного исследования на данных разной природы и из разных источников. А с 2009 г. по запросу Минкомсвязи мы запустили и ведем опросный *мониторинг уровня медиаграмотности населения* (уже 6 волн провели).

В личной профессиональной истории для меня были также очень важными работы по анализу мониторинговых измерений политических предпочтений и социального самочувствия, а также их комплексирования с данными измерения медиаполя⁹. Собственно с этих проектов 1999—2001 гг. началась моя весьма скромная публикационная активность, до того времени Задорина как пишущего социолога практически не существовало (да и сейчас я в общем-то «не читатель и не писатель»), я — «сказитель»).

Вторым увлечением, также появившимся во время работы в АП, были **сравнительные исследования**: сначала межрегиональные, потом — межстрановые.

Аккумулируя данные самых разных всероссийских опросов (статус АП позволял собирать практически все, что можно — ВЦИОМ, ФОМ, АРПИ, РОМИР, опросы ФАПСИ и т. п.), я через какое-то время столкнулся с тем, что при кажущемся обилии информации на некоторые вопросы ответа найти не мог. И прежде всего это касалось региональной (территориальной) дифференциации. Действительно, такая большая и такая разная страна, как Россия, с очевидными различиями в социально-полити-

⁸ См. публикации на странице <http://www.zircon.ru/publications/ekonomicheskaya-sotsiologiya>.

⁹ См. публикации на странице <http://www.zircon.ru/publications/sotsiologiya-smi-i-massovoykh-kommunikatsiy/>.

ческих настроениях в регионах в конце 1990-х гг. вообще не имела сопоставимых региональных измерений. И в 1998 г. я начал проводить эксперименты по сравнительным межрегиональным исследованиям, сначала просто договариваясь, по дружбе, с некоторыми региональными исследовательскими центрами о вставке в их местные omnibus сопоставимого блока вопросов. Тогда казалось, что на такого рода информацию будет большой спрос со стороны самых разных субъектов, и на этой почве мы с коллегами начали создавать **Ассоциацию региональных социологических центров**, ориентированную на проведение синхронизированных и методически согласованных опросов населения регионов. Провели несколько инициативных проектов, один — *Межрегиональный электоральный мониторинг 2003—2004 гг. (5 волн)* — даже нашел заинтересованных спонсоров. Но все равно коммерчески приемлемыми такие исследования мы сделать не смогли.

Сейчас многочисленные рейтинги регионов по разным аспектам развития — модный тренд, часть из них действительно включают большие массивы разнородной информации с продвинутой методикой ее комплексирования и индексации, а есть просто псевдоаналитическая «попса на три аккорда». Сравнение и рейтинг — мощные управленческие стимулы, и они очень востребованы.

«Все познается в сравнении» — эта сентенция стала лозунгом еще для одного дорогого моему сердцу проекта — **Евразийского монитора**¹⁰. С какого-то момента результаты измерения различных параметров социальной реальности новой России все чаще приводили к мысли, что для серьезного понимания процессов, происходящих в стране, необходимо соотнести эти процессы с аналогичными явлениями в других бывших республиках СССР и, далее, за пределами постсоветского пространства. И вот к середине 2000-х гг. социологи стран бывшего СССР, в какой-то степени восполнив наконец-то дефицит информации о правильном социальном устройстве на примере стран Запада, вновь почувствовали интерес друг к другу и стали восстанавливать прерванные связи. В марте 2004 г. на волне этого растущего интереса в Киеве прошел международный круглый стол экспертно-аналитических центров Беларуси, Казахстана, Украины и России. В рамках круглого стола многие его участники говорили о настоятельной необходимости запуска в постсоветском пространстве межстрановых исследований по типу Евробарометра.

...Главной идеей Евразийского монитора является регулярное (мониторинговое) измерение основных показателей социальных настроений жителей стран постсоветского пространства (ПСР). В 2006 г. мы с коллегами из трех стран зарегистрировали Некоммерческое партнерство «Международное исследовательское агентство „Евразийский монитор“». В него на сегодняшний день входят 10 организаций из 7 стран СНГ. В отдельных совместных проектах принимают участие и коллеги из всех других стран бывшего СССР, включая даже страны Балтии (хотя они члены ЕС). Ряд крупных проектов финансировался разными фондами, часть исследований (в частности мониторинг социального самочувствия и политической лояльности, опросы дважды в год) проводится на средства самих участников партнерства. Последние четыре года Евразийский монитор

¹⁰ <http://www.eurasiamonitor.org/rus>.

сотрудничает с Евразийским банком развития (ЕАБР), осуществляя по его заказу мониторинговое исследование «Интеграционный барометр ЕАБР»¹¹ по измерению гуманитарного притяжения/отторжения стран друг к другу как фактора развития интеграционных/деинтеграционных процессов на постсоветском пространстве.

К сожалению, аналогом Евробарометра как правительственного института наш «Монитор» не стал, организационно он более похож на Латинобарометр как сообщество в основном частных компаний с отсутствием регулярного государственного бюджета. Это тяжело, но в каких-то аспектах позволяет сохранять гибкость и независимость. В Партнерстве «Евразийский монитор» ЦИРКОН пока выполняет роль центрального офиса консорциума, методического и аналитического центра, что для нашей маленькой компании, безусловно, высокая честь, но и серьезная ответственность (плюс зачастую дополнительное организационно-финансовое обременение, которое мы рассматриваем почти как миссию). А в личном профессиональном плане для меня важными вехами стали сравнительные исследования по социальным страхам и тревогам, отношению к русскому языку и отношению к общей истории XX в., которые были проведены в 2006—2009 гг. в 14 странах постсоветского пространства (все республики СССР, кроме Туркмении). Это были очень интересные работы и, на мой взгляд, недооцененные.

Игорь, Вы представили ряд своих проектов. Безусловно, они интересны и, скорее всего, дают полезную информацию Вашим заказчикам. Но проиллюстрируйте справедливость своего утверждения: «Иными словами, стала появляться социологическая история страны». Какие книги, сборники статей по социологической истории России подготовлены ЦИРКОНОм?

Я же говорил, что я — не писатель, а сказитель. Шучу. Для маленькой компании мы выпустили очень много разнообразных текстов. Но большая часть — это отчеты по исследованиям и аналитические обзоры, предназначенные для потребления организациями-заказчиками. Это особый жанр, разительно отличающийся от жанра научной (академической) статьи или монографии. С одной стороны, он проще: не надо доказывать актуальность (она уже доказана самим заказом), не надо предварять результаты страницами ссылок на классиков и вписывать их в контекст мировой науки, снабжая обширной библиографией. С другой стороны, возникает много сложностей, связанных с тем, что материал должен быть воспринят и усвоен представителем совсем не социологического сообщества, а, напротив, человеком, далеким от него, для которого надо подобрать адекватную форму и язык изложения. В общем, очень много из того, что нами сделано, остается только в электронном виде и размещается на сайте ЦИРКОНа в разделе «Публикации». А многое вообще остается в закрытых архивах заказчиков.

Являясь сотрудником-совместителем Института социологии РАН (я работаю в секторе Владимира Петухова, с которым меня связывает многолетняя дружба и множество совместных проектов, а у ЦИРКОНа с ИС РАН заключен долгосрочный договор о сотрудничестве) и Московского городского психолого-педагогического университета, я несу определенные обязательства академического свойства, тоже должен участвовать в гонке признания, связанной с необходимостью академи-

¹¹ См. <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research>.

ческих публикаций. Но, честно говоря, я гораздо больше горжусь своей работой, если вижу ее результаты в решениях государственных органов или бизнес-корпораций, чем в статьях и сборниках «для своих». И очень расстраиваюсь, когда наблюдаю, как наши социальные управленцы самоуверенно наступают на грабли, игнорируя результаты многочисленных социологических исследований (наши и/или наших коллег). Именно это я имею в виду, когда говорю о недооцененности некоторых работ.

Однако вернусь к вопросу о **социологической истории страны**. Вообще история какого-то явления возникает в том случае, когда появляется возможность работать с артефактами этого явления (причем с первичными), изучать их и заново интерпретировать. Помимо разнообразных многолетних мониторингов в распоряжении современных российских социологов сейчас появляется все больше первичных массивов данных конца 1980-х — первой половины 1990-х гг. Это бесценный материал, позволяющий противостоять некорректной мифологизации данного периода российской истории, сформировать базу для повторных исследований, чтобы измерить сдвиги, произошедшие за 20—25 лет, заново переосмыслить многие явления тех и нынешних лет. Мы открыли у себя на сайте рубрику «Неизвестный ЦИРКОН», в рамках которой начали выкладывать ранее не публиковавшиеся работы 1990-х гг. Есть большое желание повторить некоторые исследования того времени, например, проект «Катастрофическое сознание в современном мире», который реализовывался в ИС РАН под руководством Шляпентоха, Шубкина и Ядова в 1996—1998 гг., а мы были соисполнителями (до сих пор горжусь тем, что нашу схему построения выборки тогда положительно оценил сам «Шляп»). Хочется воспроизвести и более позднее исследование 2005 г. — «Качество власти».

Вообще, открытые архивы данных — главный институт социологической истории, и в этом смысле упомянутый Единый архив социологических и экономических данных, а также Банк социологических данных ИС РАН делают очень большое и нужное дело. Но очень много данных находится в закрытых архивах разных организаций или даже в частном хранении (например, у какого-нибудь политехнолога, проводившего фокус-группы перед выборами где-нибудь на Крайнем Севере в 1993 г.). Я как-то предложил Г. Павловскому создать частный архив политической аналитики, в который можно было бы собрать по сусекам эти пропадающие свидетельства эпохи (см. <http://gefeter.ru/archive/10788>), но что-то не заладилось...

Вы сейчас едко покритиковали систему признания¹², как Вы говорите, академических коллег. А какие еще показатели, кроме публикаций и ссылок на них, могут характеризовать профессиональный успех социолога? Что социологи вообще могут оставить после себя, кроме текстов и памяти об их авторах? Кстати, как Вы оцениваете собственные исследования: когда их можно считать успешными, а когда нет? В чем Вы видите успех ЦИРКОНа, а в чем — неудачи?

В теории ответы на Ваши вопросы просты. Успех — это достижение цели. Нет целей — нет успеха и нет неудачи. А у ученого какая цель? Во-первых, постичь

¹² См. полную версию интервью.

истину, понять реальность, открыть для себя что-то новое, но этот успех, полагаю, адекватно может оценить только сам субъект (самооценка самореализации). Во-вторых, донести свой успех познания до других таких же и получить от них признание этого успеха — символический капитал, и тут вступают в силу законы борьбы и конкуренции, такие же, как и в случае борьбы за любой другой ресурс и капитал. Остаются в памяти не только те, кто что-то открыл, но и те, кто в конкурентной борьбе завоевал право остаться Автором.

У прикладного социолога нет цели открыть что-то новое и/или получить ученые степени как свидетельство признания (со стороны «академиков»). Для индустриального производства (а прикладная социология уже давно является индустриальным производством) главным стейкхолдером является клиент, потребитель, а целью — производство потребительской стоимости в виде соответствующих услуг или информационных продуктов. Значит, главным критерием успеха для прикладников является то, что информация, полученная нами в результате исследования, была потребителем усвоена, использована и оценена как качественная и полезная. Я, например, знаю много конкретных решений, принятых в бизнес-компаниях и в органах государственного управления на основе наших исследований. И это, несомненно, успех. Выражением такой оценки потребителем во многом (но не во всем!) должны быть высокая рыночная цена нашего продукта, финансовый рост и дальнейшая востребованность исследователя на рынке.

Это так в теории. На самом деле все значительно хуже. Наш интеллектуальный рынок серьезно деформирован туманом и неопределенностью конкурсов и тендеров, частыми случаями нерыночных отношений заказчика и исполнителя, низкой квалификацией, а порой и нарочитым антисциентизмом потребителей (многие из них упорно едят «псевдосоциологический фастфуд» и знать не желают о существовании «вкусной и здоровой пищи»). Наши социально-политические управленцы часто не умеют и/или не хотят использовать социологическую информацию в своей системе принятия решений.

В этой ситуации дефицита должной и квалифицированной оценки со стороны потребителя (клиента) хороший прикладной социолог вынужден искать иные системы профессионального признания. Кто-то наращивает символический капитал через СМИ и активную публицистику, кто-то периодически бегаёт в соседнее племя «научных» социологов за тамшними перьями и татуировками (ученые степени и статьи в академических журналах), кто-то начинает активно тусоваться на разных статусных форумах и в среде приближенных и «знатных» советников.

На мой взгляд, нашему профессиональному сообществу надо бы сформировать собственные знаки признания и свои критерии успеха. Если у нас нет своего аналога Music Awards (премия за лучшие показатели продаж в мире поп-музыки, то есть признание потребителей), надо создавать аналог Grammy (премия Академии звукозаписи, т. е. признание профсообщества). Вот Ассоциация региональных исследовательских центров «Группа «7/89» с 2004 г. ежегодно публикует рейтинг столичных исследовательских компаний на основе их оценки региональными партнерами (как правило, более 100 компаний-оценщиков каждый год). И то, что Группа ЦИРКОН на протяжении последних 7 лет входит в топ-5 этого рейтинга с точки зрения профессионализма и репутации, я считаю успехом. Кстати,

когда наша компания получила главный приз в первом открытом конкурсе лучших исследовательских проектов 2014 г., проводимом той же Ассоциацией «7/89»¹³, мне было очень приятно, и, несмотря на всю условность конкурса, я также оценил это как успех. Думаю, на Грушинской конференции можно было бы ежегодно вручать подобные премии, тем более учитывая, что это одно из немногих мест, где встречаются и «академики», и «прикладники» и где профессиональная оценка может проводиться по строгим критериям обеих частей большой семьи социологов. В этом смысле с признательностью (хотя и не без самоиронии) вспоминаю неожиданное награждение в 2012 г. нас с Валерием Федоровым серебряной медалью имени Питирима Сорокина «За вклад в науку». Я сильно сомневаюсь в своем вкладе в социологию как науку, но награждение от имени академического сообщества (медаль вручали М. Горшков и Г. Осипов от имени ИС РАН и ИСПИ РАН) двух сугубых прикладников была знаком того, что где-то мы все-таки можем друг друга узнавать и признавать.

Если говорить про методические достижения, конечно, нельзя не вспомнить про две разработанные нами методики: *«Методику прогнозирования итогов выборов по опросным данным на основе вероятностной модели электорального поведения»* (2004) и *«Методику оценки качества прогнозирования итогов выборов»* (1995). Ни одна из них не нашла отражения в научных журналах. Но они реально используются, причем уже не только нами, слышал, что по первой из них даже защищаются магистерские диссертации, и не только в России. Так что кое-что от нас останется. Пусть и без имени. Как говорят в таких случаях, ляжем в почву, — и то хорошо.

В своих репликах о деятельности ЦИРКОНа Вы называли много исследований, которые существенно отличаются друг от друга и по объекту, и по предмету. Как можно проводить исследования на столь разные темы одному небольшому коллективу? Не несет ли такая разноплановость риски поверхностного, непрофессионального подхода к научно-исследовательской работе? Не получается ли так, что прикладные социологи не являются специалистами ни в чем, бегая от темы к теме?

Конечно, поверхностность, упрощение, конвейерность в любой индустрии присутствуют. И для нашей отрасли это исторически обусловлено. К сожалению, у нас только сейчас стали появляться так называемые нишевые исследовательские компании, которые специализируются на каком-нибудь одном предметном поле... Специализация позволяет сотрудникам набирать достаточную компетентность в определенной тематике (предмете или объекте исследований), формировать многолетние базы данных, отрабатывать технологии работы с определенным объектом и т. п. Так, как это устроено в научной сфере. Но в российской прикладной социологии это стало возможно только последние лет десять. А в 1990-х, чтобы выжить, первые частные исследовательские компании вынуждены были браться за все подряд, невзирая на подготовку персонала и отсутствие опыта. И сейчас в нашей индустрии есть исследовательские фабрики универсального толка, но это уже другие компании, по-другому построенные. Они уже не претендуют на конеч-

¹³ Проектом года было признано инициативное исследование ЦИРКОН «Социологический анализ опыта использования современных технологий электронной демократии» (см. <http://789.ru/news/13328-kubok-789-winners.html>).

ные выводы по теме исследования и зачастую ограничиваются только сбором и первичной обработкой данных. А комплексирование информации разной природы, из различных источников, глубокий анализ материала и интерпретация результатов, в том числе формулирование выводов, отдаются специалистам-предметникам, экспертам, аналитическим центрам. Исследовательские компании концентрируют свою компетентность прежде всего в методах и технологиях (в частности организационных), порой даже только в методах сбора первичных данных. Некоторые наши коллеги формулируют это еще жестче: «Мы продаем не исследования, мы продаем исследовательские процедуры». В этом случае становится специалистами в определенной теме, предмете уже необязательно.

На мой взгляд, такое положение свидетельствует как раз об индустриальном характере прикладной социологии, для которого существенно разделение труда и специализация не на предмете или объекте исследования, а на определенном фрагменте его технологического цикла. Так же как это сформировалось в свое время в медицине. Сейчас нет врачей, которые бы и диагностировали болезнь, и прописывали бы лечение, и собственно лечили бы, а ночами еще проводили вскрытие умерших, чтобы открыть причину смерти и внести свой вклад в медицину как в науку. Сейчас есть отдельно диагностика, профилактика, лечение (терапия или хирургия) как наука в конце концов. Но этими делами занимаются разные люди. И социолог-универсал, который может и теоретическую модель явления построить, и методологию исследования разработать, и реально эмпирическое исследование провести, и результат убедительно представить сторонней аудитории (заказчику, спонсору, общественности), и опять же ввести этот результат в научный оборот — это уже большая редкость и, по большому счету, уходящая натура. Профессионализм и компетентность в прикладной социологии — это прежде всего специализация и способность к кооперации с другими специалистами. Сейчас по-настоящему глубокие социологические исследования — это, как правило, работа сотен, а порой тысяч людей и очень многих организаций.

Как социологический бутик (а ЦИРКОН так позиционирует себя с 2000 г.) мы всегда были вынуждены искать новые перспективные ниши на исследовательском рынке, пока туда не заходили брендовые «слоны» и не давили нас своей массой и админресурсом. Смею сказать, что в исследованиях электорального и финансового поведения населения мы были пионерами в России. Потом, когда это стало мейнстримом, мы стали искать новые направления. Где-то мы угадывали, где-то не очень.

По прошествии многих лет все наши виражи в разные предметные области кажутся движением в одном направлении: мы изучаем социальные инновации. Было время, когда свободные выборы были инновацией, и мы занимались электоральным поведением, потом возникло то, что раньше отсутствовало у советского человека — инвестиционная активность, мы стали изучать ее, и так далее, много разного, включая социальное предпринимательство, инновационные поселения, взаимодействие человека с новыми медиа. Жизнь не оставляет нас без социальных новаций, поэтому велика вероятность того, что в ближайший год мы совершим очередной маневр. У меня на этот счет есть две идеи, но я их сейчас не буду озвучивать, даже не спрашивайте.

Хорошо, секреты будущих исследовательских направлений я у Вас выведывать не буду, а напоследок хотел бы спросить совсем о другом. Вы же еще организатор разных профессиональных ассоциаций, клубов, конференций. Почему про это умалчиваете?

В нашей российской культуре автор творческих произведений всегда ценится выше организатора производственного процесса. В свое время барельеф Саввы Морозова висел на стене МХАТа вместе барельефами К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, но кто сейчас об этом помнит... Конечно, в западных странах великие менеджеры и продюсеры в пантеоне славы всегда стояли вровень с великими писателями, художниками и актерами. Но у нас не так (а исключения вроде С. Дягилева и Юрока только подтверждают это правило). И в среде научных творцов гордиться своими организационными достижениями не принято, а порой даже неприлично.

Для меня организационное творчество всегда было именно творчеством, сродни научному или художественному. Причем управление и организация являются творчеством не только в смысле содержания процесса (те же порой мучительные поиски решения, те же озарения и инсайты), но и в смысле эмоциональной окраски. Когда каким-то чудесным образом удастся соединить множество разных людей, мотивировать их на одну цель, подобрать для них удобную схему взаимодействия, составить эффективный план, найти и сконцентрировать разные ресурсы для работы и так все закрутить, что в результате появляется рабочая организационная структура, живущая уже своей жизнью (пусть и недолго, как временной проект) и производящая что-то ценное для других, испытываешь необычайную радость, почти счастье, как будто сделал какое-то открытие или написал замечательную музыку (последнее я никогда в жизни не делал, но почему-то полагаю, что чувства те же).

Да, у меня в жизни был ряд удачных организационных проектов (еще больше неудачных), и я рад, что часть из них вполне функционирует до сих пор. У каждого человека, занятого творчеством, есть свои особые увлечения, и у меня они тоже есть: я увлечен организацией некоммерческих общественных (зачастую неформальных) объединений: ассоциаций, партнерств, клубов, деятельных сообществ и т. п.

Среди удачных организационных проектов, безусловно, следует назвать создание Ассоциации региональных исследовательских центров (Группа «7/89») ¹⁴. Честно сказать, я очень много отдал этому делу — с 2000 по 2008 г. Недавно просматривал архивы переписки по этой ассоциации — там много всего поучительного! Как сделать так, чтобы в клубе, в котором вроде бы неочевиден понятный профит и который не имеет официального статуса, всем участникам было бы интересно, комфортно и полезно? Как соединить людей с разными профессиональными биографиями, интересами и стилями коммуникаций для плодотворного сотрудничества? Сейчас, когда Группа «7/89» по праву считается одним из самых деятельных и эффективных профессиональных объединений исследователей в России (а по моему мнению, самое деятельное), трудно представить, что судьба ее могла бы быть типичной для судеб десятков подобных инициатив, которые умирали через год-два после торжественных деклараций о сотрудничестве и со-

¹⁴ См. www.789.ru.

вместной деятельности просто из-за отсутствия личной персональной энергетики двух-трех сумасшедших фанатов ассоциативного дела. К счастью, в Группе «7/89» их было даже больше.

Успешное создание Группы «7/89» сподвигло на попытку сформировать аналогичную профессиональную ассоциацию уже на более широком пространстве стран бывшего СССР. Но, к сожалению, *Партнерство «Евразийский монитор»*, поначалу довольно активное в совместных проектах и коммуникациях, в последние пару лет потеряло энергетику. Меня уже не хватает на это дело, а партнеры почему-то стесняются брать инициативу на себя... Я по-прежнему думаю, что Евразийский монитор еще не раскрыл всех своих возможностей и у него впереди новые серьезные достижения, но, уже понятно, что международная профессиональная кооперация — штука гораздо более сложная и тонкая, чем взаимодействие в рамках одной страны. Порой надо быть настоящим дипломатом даже при разработке анкеты очередного межстранового опроса.

Если говорить о более радостных вещах, конечно, надо сказать о проекте «Открытое мнение». Этот именно организационный проект подарил настоящее счастье совместного бескорыстного сотворчества. По сути, это одна из первых в России попыток создать профессиональное деятельное сообщество (community of practice). Деятельные сообщества — новый тип экономических агентов, устроенных как клуб, но ориентированных на производство продукта как предприятие. Они чем-то напоминают артели свободных художников и ремесленников. Тема эта меня очень занимает последние годы.

«Открытое мнение» — это независимая группа профессиональных социологов, в основе деятельности которой лежит принцип совместных открытых исследований (collaborative open research — COR). Уже по итогам первого эксперимента были опубликованы четыре! статьи в «Социологическом журнале». В сети Facebook создана группа «Проект „Открытое мнение“» (<http://www.facebook.com/groups/289593911076225/>). По состоянию на ноябрь 2015 г. в нее входят уже более 500 участников, причем их число постоянно увеличивается. Работает сайт openopinion.ru. Любой желающий может узнать о проекте подробнее и присоединиться к нашей деятельности.

С 2010 г. много сил отдаю работе в оргкомитете Грушинской конференции. В 2016 г. будем проводить уже VI конференцию, и каждый раз ее содержательное наполнение (концепция и программа) — это тоже интересная организационная задача со многими переменными. Сейчас оргкомитет Грушинки — уже постоянное сообщество заинтересованных людей (то самое community of practice), с которыми зачастую непросто, но почти всегда интересно. Но про это, полагаю, Вы хорошо знаете, как участник программы ряда конференций «Продолжая Грушина». Надеюсь, в ближайшее время встретимся на оргкомитете.

Спасибо большое за интересное интервью! Желаю дальнейших успехов в Вашем деле.

6 декабря 2015 г.